

Юноша из клана демонов кивнул, с необычайной серьёзностью на лице.

Но Цзянь Чжэнь, вспомнив характер демонического Бога — далеко не самого покладистого — и осознав, что если тот и правда явится, пострадает, скорее всего, не только он сам, а прежде всего он, Цзянь Чжэнь, мгновенно пришёл в себя.

Он покачал головой и сказал:

— Спасибо за доброту, но не нужно.

Демонический юноша растерянно переспросил:

— Почему?

Цзянь Чжэнь поджал губы и улыбнулся:

— Свои проблемы я решаю сам. Если он меня обидит — я обижу в ответ.

Юноша из клана демонов на мгновение застыл.

В лучах заката стоявший перед ним светлокожий, мягкий на вид юноша улыбался, изогнув брови — словно самый яркий штрих на вечернем небе. В этот момент раздался звонок, привлекая внимание.

— Мне пора, — сказал Цзянь Чжэнь.

Подвеску вернули ему обратно — оно всё ещё хранило крошечное тепло чужого тела.

— Пока.

Юноша смотрел ему вслед, ощущая странную отрешённость. С кем же должен быть такой человек, кто вообще достоин стоять рядом с ним?

Вечером.

Цзянь Чжэнь вышел из школы.

По дороге домой светловолосый мальчишка был особенно оживлён и рассказывал о завтрашнем празднике демонов — фестивале Юйлань. Это был день освобождения, день, когда демонический Бог снизошёл в мир и спас бесчисленные народы клана демонов. В этот день весь народ праздновал, а школа объявляла трёхдневные каникулы, чтобы все могли разделить торжество.

Цзянь Чжэнь также был счастлив из-за того, что начались каникулы.

Однако взгляд Мозун Дажэна всё это время был прикован к нему. Алые глаза — глубокие и тёмные — молчаливо следили за каждым его движением, и он долго не произносил ни слова.

Когда Цзянь Чжэнь закончил рассказывать, он с недоумением посмотрел на него:

— Что с тобой?

Мозун Дажэн шёл рядом с ним по улице и равнодушно спросил:

— Ты радуешься... только из-за этого?

Цзянь Чжэнь:

— ...

Что значит «только из-за этого»?

Травинка внутри него недовольно фыркнула:

— А из-за чего ещё?

Он уже решил, что Мозун Дажэн не скажет ничего больше, но тот вдруг небрежно спросил:

— Ты нигде не чувствуешь дискомфорта?

Цзянь Чжэнь покачал головой:

— Нет!

Подумал ещё раз.

Потирая запястье, он добавил:

— Хотя... сегодня немного чешется рука.

Мозун Дажэн усмехнулся:

— Не брал ли ты сегодня чего-нибудь... нечистого у кого-нибудь?

Вещь?

Цзянь Чжэнь и правда не сразу смог вспомнить, что такого он мог взять в школе. Но стоило задуматься — и его тело невольно напряглось.

Та подвеска!

Дар, который демонический юноша вручил ему, признаваясь в чувствах!

Цзянь Чжэнь ощутил странную неловкость, сам не понимая почему, и тихо сказал:

— Вроде бы взял... но почему у меня чешется запястье?

— Это моя душевная печать, — спокойно ответил Мозун Дажэн.

— А?

Их взгляды встретились.

Цзянь Чжэнь пришёл к выводу и хлопнул в ладони:

— То есть... твоя душевная печать аллергична к нефриту?

Мозун Дажэн безучастно пояснил:

— Моя магическая сила вступает в сопротивление с магией других демонов. Ты контактировал с ним недолго, поэтому ощущается лишь лёгкий дискомфорт.

— Почему так? — изумился Цзянь Чжэнь.

Неужели это побочный эффект какого-то демонического заклятия?

— Ну... — Мозун Дажэн выглядел совершенно невозмутимым. — Потому что я злопамятный.

Цзянь Чжэнь:

— ...

Он... знает?

Он правда осознаёт, какой он?!

Мозун Дажэн скосил взгляд на ошеломлённое лицо «травинки», приподнял бровь и изогнул губы в привычной полуулыбке:

— Что?

Цзянь Чжэнь проглотил все ехидные мысли и осторожно сказал:

— Значит... ты, выходит, легко злишься?

— Вовсе нет, — ответил Мозун Дажэн.

Цзянь Чжэнь удивился. С таким характером — и не часто злится?

— Просто... — будто говоря о чём-то обыденном, продолжил Мозун Дажэн, — те, кто осмеливался мне перечить, обычно оказываются мертвы.

Цзянь Чжэнь:

— ...Ну да.

Разговаривая, они сели на феникса и вернулись во дворец демонов.

Сегодня ночь наступала необычно поздно. День был самым обычным, и во дворце шла привычная подготовка к завтрашнему празднику. Но Цзянь Чжэня тревожило одно — сегодня была Красная Луна.

Ночь Красной Луны — время, когда проклятие Мозун Дажэна обострялось, и он легко мог сорваться.

Когда окончательно стемнело, Цзянь Чжэню стало беспокойно. С момента возвращения во дворец он больше не видел Мозун Дажэна. Во время питья нефритовой росы он спросил служанку:

— А где Владыка?

— Владыка каждый месяц в лунную ночь входит в запечатывающий массив, чтобы подавить

демоническую энергию, — ответила она.

Раньше Цзянь Чжэнь никогда не расспрашивал об этом — в демоническом дворце подобные темы почти не обсуждали. Он осторожно спросил:

— Откуда на нём такое проклятие?

Лицо служанки резко побледнело, словно он затронул нечто ужасающее.

Цзянь Чжэнь недоумённо моргнул.

Она помедлила, затем всё же набралась смелости:

— Если честно, слуга и сама не знает всех подробностей... Я лишь слышала...

— Слышала что? — мягко спросил Цзянь Чжэнь.

— Говорят, проклятие, что лежит на Владке демонов... — служанка дрожала всем телом. — Это небесная кара.

Цзянь Чжэнь остолбенел:

— Небесная... кара?

Почему Боги вообще ниспосылают небесную кару?

Мысли в его голове мгновенно спутались. Он нахмурился и спросил:

— Это... испытание, которое нужно пройти, чтобы пережить стадию Вознесения и стать Богом?

Но служанка покачала головой:

— Говорят, что тогда Владыка уже прошёл стадию Вознесения и стал Богом. А небесная кара обрушилась уже после этого. Во всех трёх мирах говорят, что он был жесток и безжалостен, что истребил Линшань, чем прогневал Небеса, и за это на него снизошло наказание.

— Зачем он истребил Линшань? — спросил Цзянь Чжэнь.

Служанка вздрогнула, тут же опустилась на колени:

— Слуга не знает... Это было десятки миллионов лет назад. Боюсь, правду знают лишь сам Владыка и Верховный жрец.

Цзянь Чжэнь не хотел ставить её в неловкое положение:

— Понятно. Спасибо.

Лишь тогда служанка отступила.

Цзянь Чжэнь по своей природе был тихой, непритязательной «травинкой». Раньше дела бессмертных и демонов его совершенно не интересовали, да и в события прошлого он не стремился вникать. Но, прожив рядом с демонами, он постепенно узнал больше — и вместе с этим в нём зародилось желание понять. Впрочем, это были мысли на будущее. Сегодня же была Ночь Красной Луны, и как ни крути, тревога всё равно подтачивала сердце.

Лунный свет медленно взбирался по ветвям.

Красная луна окрасила всё небо в кроваво-алый цвет.

Выпив нефритовую росу, Цзянь Чжэнь так и не смог уснуть.

Хотя, будучи беременным, он и сам понимал, что долго бодрствовать не способен. Он уже почти провалился в сон, когда вдруг почувствовал за спиной холодное, чуждое дыхание.

Почти мгновенно он проснулся.

Свечи в комнате неизвестно когда погасли. Лишь свет красной луны медленно лился из окна, ложась на белоснежный ковёр и наполняя пространство неотступным ощущением зловещей странности.

Цзянь Чжэнь повернулся — и не смог разглядеть лица лежащего рядом.

В тишине ночи Мозун Дажэн казался почти лишённым дыхания. Он лежал вполоборота, его прекрасный профиль наполовину скрывали чёрные волосы. Всё его тело было ледяным, словно у мертвеца.

Цзянь Чжэнь испугался. Он осторожно коснулся руки Мозун Дажэна — и тихо вскрикнул:

— Такой горячий...

Знакомые алые узоры души проступали на мертвенно-белой коже, то появляясь, то исчезая. Раньше Цзянь Чжэнь не знал, что это такое. Теперь он знал — это была небесная кара.

Под кровавым светом луны Мозун Дажэн вдруг заговорил. Его голос был хриплым, холодным, словно он сдерживал нечто внутри:

— Спи.

— Угу... — отозвался Цзянь Чжэнь.

Он снова лёг.

Ночь была тиха. Красная луна висела высоко. Он спокойно лежал рядом с Мозун Дажэном: сначала думал о разном, потом постепенно погрузился в полудрёму — и даже неосознанно придвинулся ближе, прижавшись к его груди.

Прошло словно целое столетие.

Когда Цзянь Чжэнь вновь вздрогнул, вырываясь из сна, ночь всё ещё была густой и тёмной. Он поднял глаза и увидел лежащего рядом человека — а сам оказался полностью укутан в его объятиях.

Кожа Мозун Дажэна пылала. Его алые глаза были красны, словно налитые кровью.

— Ты меня не боишься? — спросил он.

Цзянь Чжэнь, ещё не до конца проснувшись, пробормотал:

— Немного...

Мозун Дажэн хотел усмехнуться, услышав его ответ, но по какой-то причине не смог.

Цзянь Чжэнь же мягко продолжил:

— Я боюсь, что тебе будет тяжело... если так продолжится.

Он протянул руку, коснулся лица Мозун Дажэна, проверяя температуру, и удивлённо сказал:

— Такой горячий... А когда ты пришёл, ты был совсем холодный. Почему?

Проклятие души жгло его изнутри, словно расплавленное железо, вгрызаясь в кости, будто бесконечное пламя, которому нет конца.

Раньше в такие ночи он ходил с ума: хотел убивать, разрушать, выплёскивать раздражение любыми способами. Сама боль была для него терпимой — его сводила с ума не она, а беспокойство. Он не знал, что именно его гложет, а чем меньше понимал, тем сильнее раздражался.

— Перед тем как прийти, — ответил Мозун Дажэн, — я был в холодном источнике.

— Там тебе легче? — спросил Цзянь Чжэнь.

Встретившись с его полным заботы взглядом, Мозун Дажэн вдруг вспомнил, зачем вообще пришёл сюда. Потому что здесь был Цзянь Чжэнь. Потому что за десятки миллионов лет каждая Ночь Красной Луны сводила его с ума — и лишь ночь, когда появился Цзянь Чжэнь, стала исключением. Тогда, в иллюзии первой встречи, он почти утратил рассудок от убийств... но стоило появиться Цзянь Чжэню — и раздражение исчезло.

Цзянь Чжэнь помахал рукой перед его глазами:

— Ты чего?

Мозун Дажэн потёр переносицу:

— Холодный источник помог лишь на время.

Цзянь Чжэнь сел:

— Даже так — это лучше, чем просто терпеть. Вставай, пойдём ещё раз.

Мозун Дажэн не хотел двигаться.

Цзянь Чжэнь потянул его за руку:

— Ну же! Если ты не пойдёшь, я тоже не усну!

Мозун Дажэн усмехнулся:

— А спал ты только что очень крепко.

Цзянь Чжэнь:

— ...

Ну и злопамятный же он!

<http://bllate.org/book/12641/1121249>